

1
Государственная
ордена Ленина

МУРЗИЛКА

№ 6 Журнал ЦК ВЛКСМ **ИЮНЬ**
для школьников младших классов **1950**

ПРОГНОЗ
ПОЛИТИКА
СТАЛИНА 8000
М. В. И. ЛЕНИНА

СЛАВА
РОДНОМУ
СТАЛИНУ!

ШКОЛА НА КОЛЁСАХ

*Посвящается школе-вагону
путевой машинной станции
№ 61*

За перегоном перегон.
Леса, озёра, сёла.
Бежит по рельсам наш вагон —
Кочующая школа.

Здесь нет на полках багажа,
А вместо лавок — парты.
И шелестят, слегка дрожа,
Развешанные карты.

Стоит иль мчится паровоз, —
У нас идёт ученье,
И мерно вторит гром колёс
Нам на уроках пенья.

Отцы и матери у нас —
Ремонтная бригада.
И в тех местах стоит наш класс,
Где им работать надо.

То мы в сибирскую тайгу
С крутых ступенек сходим,
То на кавказском берегу
Костёр в пути разводим.

Сегодня солнечная степь
За окнами вагона,
А завтра гор крутая цепь
Встаёт до небосклона.

Мы видим новый Днепрогэс,
В степи огни завода.
Мы видим, как сажают лес
Двухтысячного года.

Идём в колхоз на сенокос
Сгребать днепровский клевер.
И вновь зовёт нас паровоз
В далёкий путь — на север.

Нас каждый дальний перегон
Знакомит с новым краем.
Проходим на уроке Дон —
И Дон переезжаем.

Мы не забудем никогда,
Как утром сквозь перила
Донская синяя вода
Под нами зарябила.

Мы видим в книге свой маршрут —
Равнины, реки, горы,
А за окошками бегут
Родной земли просторы.

ДМИТРИЙ ШАШУРИН

Рис. В. ТРОФИМОВА

ОЛЯ И ЛОККИ

Оля живёт в Саратове. А Локки Джойс — в Америке.

Про Локки Джойса писали в газетах. Папа в тот раз читал вслух — громко и медленно: «Посреди тесного двора — вонючая лужа. Около лужи копошатся дети. Они играют. Доверчивый семилетний мальчик с прозрачными грязными руками сказал, что его зовут Локки Джойс и он хочет стать невидимкой...»

Папа перечитал это место: «Ребёнок хочет стать невидимым, чтобы ему не мешали собирать объедки в помойках у богатых домов».

Так Оля узнала про Локки.

Однажды весь второй «А» поехал за Волгу, на Зелёный остров. Маленький пароходик будто не замечал, что на него каплет столько воды сразу, — тарыхтел, тарыхтел и шёл против течения. Носились чайки, а совсем далеко плыли яхты.

На Зелёном острове тенистые осокори и много цветов. Девочки так старались, что Елена Ивановна очень скоро сказала:

— Хватит, — и еле-еле стянула ремни гербарной сетки.

Тогда они нарвали охапки цветов, уселись вокруг и связали по два венка: один — себе, другой — Елене Ивановне.

Завтракали, прихлёбывая молоко прямо из бутылок, и смеялись. Но Оля вдруг вспомнила про Локки, про вонючую лужу.

И ей показалось, что она взрослая и строгая, а девочки — маленькие-маленькие. Долго ещё оставались они на Зелёном острове: купались и загорали, и опять со-

бирали цветы, но Оля не отходила от Елены Ивановны.

А другой раз Оля провожала брата в детский садик. На политом асфальте, смешно задирая головы, воробьи пили из лужиц. Дворник всё подтягивал шланг и старался достать струёй до деревьев, но струя сгибалась и рассыпалась на крупные капли.

К садику со всех сторон подходили ребята. Олин брат тоже заранее высвободил руку и вошёл сам. Родители немного задерживались, глядя сквозь стеклянные двери, улыбались и не спеша уходили. А к дверям подходили ещё и ещё...

Оля невольно подумала, что и Локки пора поступать в школу.

По четвергам Оля играет на скрипке. Из окна консерватории видно чистое небо и липы.

Оля играет. Смычок то плавно скользит, то вздрагивает.

...На тесный двор светит солнце. Мальчик протягивает солнцу руки. Но медленно наползает тень стены и покрывает ноги, голову, протянутые руки. Тихо плачет мальчик. И вдруг всё быстрее и быстрее исчезают стены. Песня, солнце и цветы.

Даже в день рождения Оля не забыла про Локки. И когда все разошлись, когда Оля осталась вдвоём с мамой, она сказала:

— Я очень, очень счастлива!

Мама улыбнулась и погасила свет. Но Оля удержала маму за платье.

— Мапочка, ведь правда, что скоро на свете совсем не станет капиталистов?

А. КАРДАШОВА

Рис. В. БОГАТКИНА

УТРО

Луч солнца в комнату вошёл,
Забеспокоился щегол.
Вот, крылья с треском развернув,
Щегол почистил пёрышки,
Вот у него раскрылся клюв,
Вот задрожало в горлышке...

Щегол в квартире, на окне,
Поёт о новом, светлом дне.

Четыре мягких башмачка
Глядят из-под постелей,
Четыре рыженьких чулка
Хотят, чтоб их надели.

Поднялась с подушки
Голова Павлушки.
Волосы щетинкой,
Стрижены машинкой.
Сам наденет он чулки,
Сам завяжет башмаки.

Встаёт Алёша, младший брат,
Глаза спросонок не глядят.

Чулок Алёша натянул,
Потом немножко отдохнул.
Чулок наделся, а башмак
Не надевается никак.

Пришёл на помощь старший брат,
И сразу всё пошло на лад.
— И папа встал. Бежим к нему!
— Я первый папу обниму!
Отец подкинул сразу двух,
У братьев захватило дух.

— Ну, добрый день! — сказал им папа
И сыновей поставил на пол.

— За мной, ребята, шаг на месте!
Они шагают с папой вместе.

НАДЕЖДА ПАВЛОВИЧ

Рис. Е. АФАНАСЬЕВОЙ

ЮРМАЛА

Что такое Юрмала?
Это значит — взморье,
Золотые дюны,
Светлая волна.
И стоит-качается
На высоком взгорье
Тонкая, как струнка,
Рыжая сосна.

Детский сад из Риги
Выехал на дачу.
Голубой автобус
К морю покати́л.
Маши и Наташи,
Янисы, Гедвиги
На весёлом взморье
Наберутся сил.

Вот белеет дача,
Окнами сияет,
Вишни у забора,
Розы в цветнике.
И ребяток няня
У ворот встречает,

С нею толстый повар
В белом колпаке.

Для кого такие
Белые постели?
Для кого игрушки
На ковре лежат?
За окошком птицы
Песенку запели:
«Это всё для наших
Дорогих ребят».

Для кого такие
Маленькие стулья?
Для кого и море
И зелёный сад?
Здесь снуют ребята,
Словно пчёлы в улье,
И с улыбкой Сталин
Смотрит на ребят.

Входит тётя Лена,
Лучше тёти нет!
Этой строгой тёте
Восемнадцать лет.

С ней ребята любят
Бегать и плясать.
— Скоро ль, тётя Лена,
Мы пойдём гулять?

Отвечает тётя:
— Мы сейчас пойдём.
Может быть, у моря
Мы янтарь найдём.

Маленькие водоросли,
Трубки камыша!
Всё, чего захочет
У тебя душа.

Что в песке блеснуло
Ясно, как огонь?
— Положи находку,
Маша, на ладонь!

Эта янтаринка
Долго прожила
И смолой когда-то
Клейкою была.

А потом застыла
И на дне морском

Всё спала, укрывшись
Золотым песком.

В янтаре прозрачном
Муха замерла.
Годы шли, но буря
Волны подняла,

Дно размыва моря
И у наших ног
Вынесла на берег
Светлый янтарёк.

Вот несутся волны
Ровными рядами;
Под высокой дюной
Смех и крик ребят.
Норки и колодцы
Вырыты руками,
И дома для кукол
Строит детский сад.

Громко тётя Лена
Хлопает в ладоши:
— Дети, мы купаться
Будем в первый раз!
Солнышко пригрело,
День такой хороший,
Научу я плавать
Каждого из вас.

— Я боюсь купаться! —
Закричала Валя.
— Волны, точно змейки
С белой головой!
Дети разложили
Платья на скамейке,
И сказала Лена:
— Валя, ты со мной!

И ребята с визгом
Начинают брызгать,
Бегают, топчут
В голубой воде...

Где ещё такое
Море голубое?
— Нет такого моря
Милого нигде!

Прыгает, смеётся,
Не боится Валя.

Каждую песчинку
Видно ей на дне.
Чайки пролетели,
Волны зашумели,
Рыбки заплясали
В синей глубине.

И ребята видят:
Показались лодки,
На волнах качаясь,
По морю плывут.
Ближе, ближе, ближе!
В сапогах высоких
Люди лезут в воду,
Лодки волокут.

Катерок моторный
На море стрекочет,
Чёрточкою чёрной
Виден пароход.
Девушка-рыбачка
У сетей хлопочет,
Кот пришёл на берег
И подачки ждёт.

На баркасах буквы
«Ю» и «Р» белеют, —
Юрмала и Рига, —
Чтобы всякий знал,

Что колхоз рыбацкий
Вырос, богатеет,
Что для государства
Рыбу он поймал.

Чёрные баркасы
С парусом холщёвым,
Катера, моторки
Рыбою полны.
Рыбаки гордятся
Сталинским уловом,
Латвии приморской
Смелые сыны.

Болтовни не любят,
Трубки курят важно,
На море, как дома,
Наши рыбаки.
— Становись же, Янис,
Рыбаком отважным!
На баркасах реют
Красные флажки.

Старый Август Кундзинь,
С белой головою,
Бригадир рыбацкий,
Вдруг заговорил:
— Ведь за мной внучата
Бегают гурьбою!

Посмотри-ка, мальчик,
Что я смастерил!

И кораблик Кундзинь
Вынул из кармана,
С парусом, с матросом,
Вставшим у руля.
— Видишь, нехватает
Только капитана.
Янис капитаном
Станет корабля.

И пойдёт корабль твой
В Лепаю и Таллин,
Повезёт он рыбу
В славный Ленинград!..
Маленький кораблик
Волны качали,
Над волною чайки
Белые летят.

И приносит Янис
В детский сад кораблик,
И на мачте дети
Подняли флажок,
Чтоб горел он, красный,
Как звезда в тумане,
Чтоб никто на свете
Снять его не мог.

Сергей МИХАЛКОВ

Немало, немало на свете ребят,
Немало их в каждой стране,
Они не желают, они не хотят
И слышать о новой войне.

Им нужно учиться
Они погибать не хотят
Их честные люди
От новой ужасной войны

Рис. В. ЩЕГЛОВА

ся, им нужно расти,—
е должны.
ди готовы спасти
ой войны.

Немало, немало на свете ребят,
И всюду—в любой стороне —
«Да здравствует Сталин,—они говорят,—
Войну объявивший войне!»

П В К

В воскресенье Кира Петровна повела свой пятый «Б» в кино. Собирались у памятника Павлику Морозову. Когда все пришли, Кира Петровна сказала:

— Ну-ка, все станем в пары!

Все стали в пары и чинно направились в кино.

В первой паре шли закадычные друзья Владик Ваньков и Петя Ерошин.

В кино они тоже сидели рядом. Не отрываясь, следили они за тем, как отважные школьники Краснодона вели неравную борьбу с фашистами.

Когда вышли из кино, было уже темно. Все опять стали в пары. Ребята шли молча. Вдруг Владик нагнулся к Петину уху и шопотом сказал:

— Петух, послушай! Только чур держать язык за зубами! Поедем с тобой туда!

— Куда это — туда?

— Туда, в Краснодон! Домик Олега Кошевого посмотрим, как там всё было!

— А кто тебя пустит?

— Тш-ш! А мы потихоньку. А что? Поехать на вокзал, взять билет, и всё. Большое дело, подумаешь!

— А какой вокзал?

— Да там узнаем, какой. Решайся, Петух. Чего там!

Петя протянул Владику руку:

— Ладно. Есть такое дело!

Через несколько дней на большой перемене Владик и Петя побежали в буфет, взяли своё любимое — по круглой булочке с кремом — и сели за укромный столик.

— Узнал про то? — спросил Петя.

— А как же! Поезд в двенадцать ноль пять ежедневно!

— Ежедневно? Вот здорово! — обрадовался Петя. — Только я не знаю, Владька, как с родителями быть?

— А что с родителями?

— Владька, а как ты считаешь? А что, если сказать папе с мамой, а?

Владик махнул остатками булочки:

— С ума сошёл! Тогда не пустят, и всё дело завалишь! А деньги начал копить?

— Зачем?

— Как зачем? На билеты! Если каждый день копить, знаешь, сколько можно накопить!

— Ладно, Владька. Я буду копить. И они будут...

— Кто они?

— Митяй, Славка, Генка. Они тоже поедут. Я уже с ними договорился. — Петя стряхнул крошки с зелёного в рубчик вельветового пиджачка. — Давай, Владик, ещё по булочке?

— Постой. А копить?

— Копить? — Петя посмотрел на прилавок, на котором лежали булочки и словно дразнились высунутыми белыми язычками крема. — Ладно, тогда отставить. Пошли!

Они побежали в зал. А в учительской в это время учительница истории Тамара Степановна подошла к Кире Петровне и протянула ей узкую полоску бумаги:

— Вот, пожалуйста, полюбуйте!

Кира Петровна с недоумением взяла бумажку. По голубым «арифметическим» клеточкам было печатными буквами выведено:

«Всем членам ПВК собраться завтра у ПМ. Пароль тот же. Передай только члену ПВК. Секрет! Молчание!! Тайна!!!»

— Тамара Степановна, что это значит? Где вы это взяли?

— У вас. В вашем пятом «Б». — Тамара Степановна прижала коленом портфельчик к стене и стала поправлять шпильку в своей пышной причёске. — Я вам эту записку оставляю, а вы там со своими молодцами разберитесь!

Она подхватила портфельчик и вышла из учительской.

Кира Петровна сняла со шкафа большой глобус и пошла в пятый «Б» объяснять вращение Земли.

* * *

После урока мальчики повскакали со своих мест, но Кира Петровна сказала:

— Сядьте!

Все с неохотой сели. Кира Петровна достала из кармана бумажку:

— Вот объясните мне, что это за таинственный документ, и тогда я вас отпущу.

По классу прошёл шум. Витя Лукин с недоумением смотрел на учительницу. Толя Яхонтов оглядывался на мальчиков. Костя Кисляков на задней парте по-смешному пожимал плечами.

— Горшков Лёня, — сказала учительница, — а ты почему молчишь? Ведь это у тебя её нашли!

Лёня встал и, помаргивая светленькими ресничками, сказал:

— А я ничего не знаю. Мне кинули, и я хотел кинуть...

Кира Петровна прошла по классу.

— Мальчики! Разве у советских школьников могут быть секреты от учителей? Ведь мы с вами заодно!

Она посмотрела на глобус, который стоял перед ней на столе, и вдруг подхватила его за ножку.

— Вот, ребята, земной шар! А знаете ли вы, что во многих странах... и здесь, и здесь, и здесь, — она толкнула глобус пальцем, и голубоватый шар медленно закрутился, — миллионы ребят смотрят на вас, на советских школьников. Вы — на виду!

Она подняла глобус над головой. Глобус попрежнему тихо вращался, и казалось, будто Кира Петровна снова объясняет вращение Земли.

— Вы на виду у всего земного шара, — повторила она. — Значит, вы должны быть

образцом во всех отношениях. Понятно? Вот я и требую, чтобы вы сказали, что там, в бумажке, за ПВК и как это?.. ПМ.

Ребята молчали. Владик поднялся и, раскачивая крышку парты, сказал:

— Кира Петровна, я знаю... только я не могу сказать... не полагается...

— Как так — не полагается?

— Ну да, потому что секрет, молчание, тайна! И всё.

Он сел. Кире Петровне стало жарко.

— Вот что, мальчики. Я сейчас выйду, а вы, будьте любезны, напишите на доске, что значит ПВК и ПМ. Больше я у вас ничего спрашивать не буду.

Она со стуком опустила глобус, повернулась и легкой, быстрой походкой вышла из класса.

В пятом «Б» поднялся шум:

— Ребята, так нельзя!

— Мы на виду всё-таки!

— Слышал, Петух? Миллионы с нас пример берут.

— Это не шутка.

Шумели долго. Кира Петровна стояла в коридоре и прислушивалась к звонким голосам. Наконец скрипнула дверь, и показалось румяное лицо Пети Ерошина.

— Кира Петровна, пожалуйста!

Кира Петровна шагнула в класс. Ещё с порога она посмотрела на классную доску. На чёрном фоне было мелом крупными буквами написано:

«ПВК — поездка в Краснодар».

«ПМ — памятник Павлику Морозову».

— Так, — сказала Кира Петровна и торопливо достала из кармана свою красненькую записную книжку. — Вот, мальчики, вы мне не верили. Секреты от меня устраивали. А теперь послушайте, что я вчера ещё записала. Внимание!

Она громко, на весь класс, прочитала:

— «Выяснить возможность поездки всем классом в город Краснодар».

Ребята были ошеломлены. Они не знали, как выразить свой восторг.

— Кира Петровна, а можно крикнуть «ура»?

— Можно, только потихоньку.

И тогда весь пятый «Б» под команду Ванькова дружным шопотом произнёс:

— Ура, ура Кире Петровне!..

Вит. БИАНКИ

Рис. Е. РАЧЁВА

МИШКА-БАШКА

Из прибрежных кустов высунулась толстая звериная башка, в лохматой шерсти блеснули зелёные глазки.

— Медведь! Медведь идёт! — закричали перепуганные ласточки-береговушки, стремительно проносясь над рекой.

Но они ошиблись: это был всего только медвежонок. Ещё прошлым летом он вприпрыжку бегал за матерью-медведихой, а этой весной стал жить сам по себе, своим умом: решил, что он уже большой. Но стоило только ему выйти из кустов — и всем видно, что большая у него только голова — настоящая толстая, лохматая медвежья башка, а сам-то он ещё маленький — с новорождённого телёнка, да смешной — на коротких косолапых лапах, хвостиком куцый.

В этот знойный летний день в лесу было

душно, парно. Он и вышел на бережок: тут так приятно обдувал свежий ветер.

Мишка уселся на травке, сложил короткие передние лапы на круглом брюшке. Человечком сидел, степенно поглядывал по сторонам.

Но не надолго хватило у него степенности: он увидел под собой весёлую, быструю речку, перекувырнулся через голову и на собственных салазках ловко съехал с крутого бережка. Там стал на четвереньки и давай лакать прохладную воду. Напился всласть и вразвалочку, не спеша, закосопил вдоль берега. А зелёные глазёнки так и сверкают из шерсти: где бы чего напроказить.

Чем дальше он подвигался, тем выше и круче становился берег. Всё громче и тревожнее кричали над ним ласточки. Некоторые из них проносились мимо самого его носа с такой быстротой, что он не успевал разглядеть их — кто такие? — и только слышал жужжанье их крылышек.

«Ишь, их тут сколько! — подумал Мишка, остановившись и поглядев вверх. — Что пчёл у дупла».

И сразу вспомнил, как прошлым летом мать-медведиха подвела его с сестрёнкой к пчелиному дуплу. Дупло было не очень высоко, и медвежата почуяли чудесный медовый дух. Вперегонки полезли на дерево. Мишка первый долез и запустил в дупло лапу. А пчёлы как загудят, как накинута на них! Сестрёнка завизжала и кубарем вниз. А он отведал-таки душистого слад-

кого мёду. И опять засунул в дупло лапу и опять облизал её. Но тут одна пчёлка больно ужалила его под глаз, а другая — в самый нос. Он, конечно, не заревел, но очень быстро скатился с дерева. Пчёлки хоть совсем махонькие, а сердитые; пришлось удирать подальше в лес. А сестрёнка ещё долго хныкала: ей так и не удалось попробовать мёду.

Сейчас Мишка с опаской поглядывал на стаю береговушек: он первый раз их видел и не совсем был уверен, птицы ли они. А вдруг они такие большие пчёлы?

Ну, так и есть: вон и дупла их — множество чёрных дырок под самым обрывом! То и дело вылетают из них всё новые береговушки и с криком присоединяются к стае. А что кричат — непонятно. Мишка их языка не знал. Понимал только, что сердятся.

А ну как возьмут в работу да начнут жалить?! Ой-ой!

А дырок-то, дырок в берегу сколько! И в каждой, наверно, пуд мёду. Интересно, такой же он сладкий, как у тех маленьких лесных пчёлок?

Под самой кручей стоял почерневший от старости ольховый пенёк. Недолго думая, Мишка вскарабкался на него. Да нет, где там отсюда достать!

Мишка спустился и полез вверх по круче. Ласточки всей стаей закружились над ним и прямо оглушили его своим криком. Ну, да пусть: лишь бы не жалили!

Ни одна не ужалила, и Мишка стал карабкаться в гору храбрее.

А гора песчаная. Мишка старается, лезет, а песок под ним осыпается. Мишка сильнее нажимает — песок скорее осыпается. Мишка ворчит, сердится! Наддал со всей силы. Глядь — что такое? — вся круча поехала! И он с ней едет, едет — и приехал аккуратно в то место, откуда полез в гору...

Сел Мишка и думает: «Как же теперь быть? Этак ввек никуда не влезешь».

Ну, Мишка—башка: живо придумал, как горю пособить. Вскочил — да назад по речке, откуда пришёл. Там без труда забрался по траве на невысокий берег — и опять сюда, к обрыву.

Лёг на брюхо, заглянул вниз: тут они, ласточкины дупла, прямо под ним! Только лапу протянуть!

Лапу протянул, — нет, не достать!..

А ласточки над ним выются, пищат, жужжат! Надо скорее.

Посунулся осторожно ещё вперёд, обе лапы тянет, вот уж было совсем достал, — кувырк!

Ах ты, глупая, толстая, тяжёлая медвежья башка! Ну, куда такую башку годовалому медвежонку? Ведь перевесила...

Летит Мишка под кручу, через голову кувыркается, — только пыль столбом!

Летит вниз, сам себя не помнит, да всё шибче, шибче...

Вдруг — хрясь! — его кто-то по лбу.

И стоп: прикатил Мишка, сидит.

Сидит — качается: очень здорово его по лбу треснули. Чихает сидит: в нос песку набилось.

Одной лапой шишку трёт на лбу: большущая шишка на лбу выскочила! Другой лапой глазёнки протирает: полны глаза песку да пыли.

Ничего толком перед собой не видать. Только будто маячит перед ним кто-то высокий, чёрный...

— А-а-а, так это ты меня по лбу! — Мишка взревел. — Я ж тебя!.. Ра-разорву!

Пал на четвереньки, встал на дыбы — лапы над головой, — да рраз! — со всей силы чёрному в грудь.

Тот с ног. И Мишка не удержался: за ним следом. Да оба, обнявшись, бултых в воду!

А под обрывом омут-то глубокий...

Ушёл Мишка в воду весь — и с головой. Ну, ничего: всплыл всё-таки.

Лапами заработал, чёрного от себя оттолкнул; чёрный тоже всплыл. Мишка кое-как лягушкой, лягушкой до того берега вплавь.

Выскочил на берег и без оглядки, полным ходом мах-мах в лес!

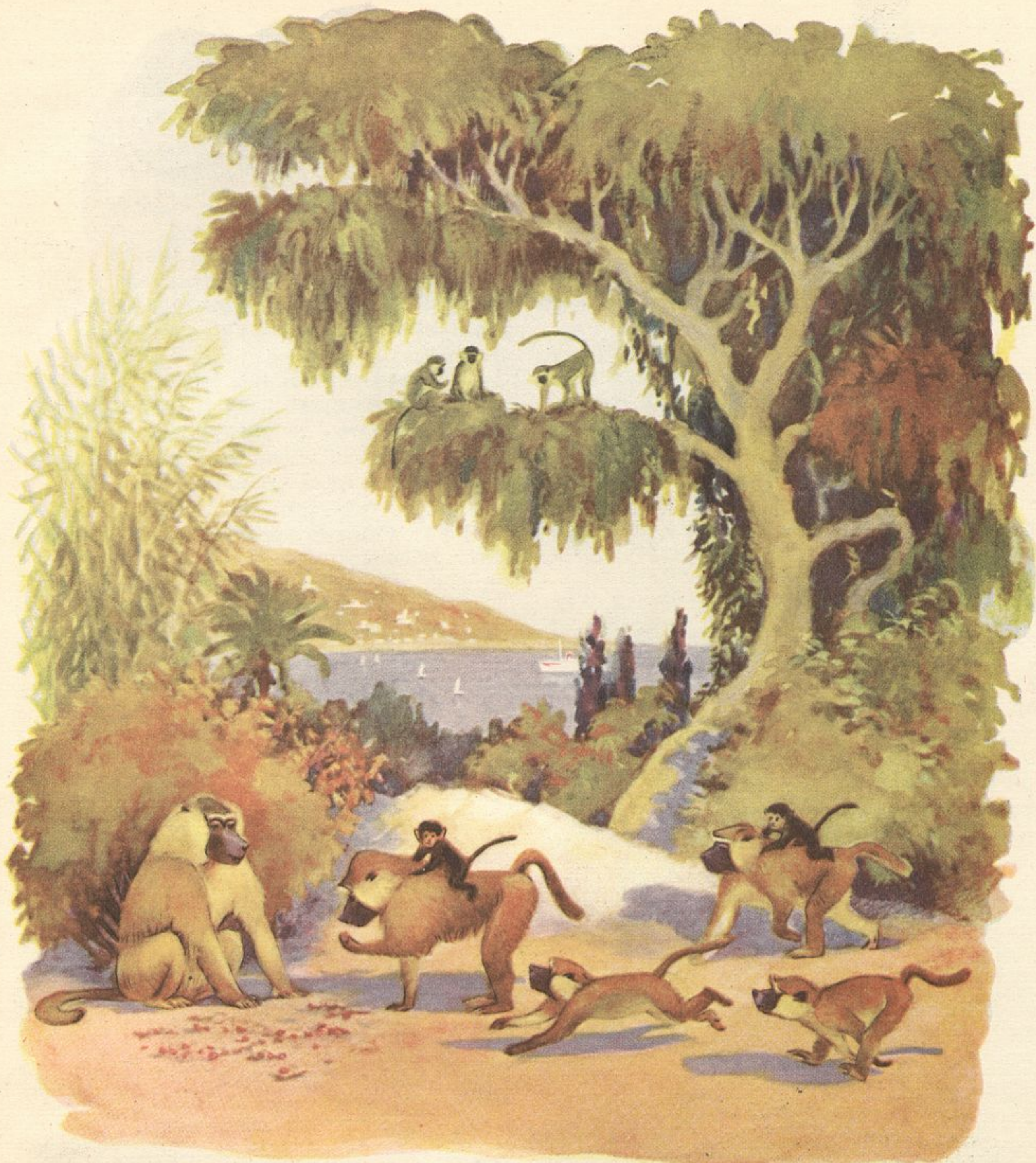
Береговушки за ним тучей мчатся. Кричат: «Грабитель! Разоритель! Прогнали, прогнали!»

Мишке и оглянуться некогда: вдруг там за ним ещё тот, чёрный, гонится?

А чёрный в омуте плавает: это пень. Высокий, почерневший от старости ольховый пень.

Никто Мишку по лбу не стучал: сам Мишка на пень налетел, лбом о него треснулся, как с кручи-то летел.

Башка-то у Мишки башка, а сам ещё маленький. Многому ещё учиться надо без мамы.

Этих обезьян я нарисовал с натуры. Для этого мне не понадобилось ехать в Африку. Я их рисовал в знаменитом Сухумском питомнике обезьян.

В город Сухуми лет двадцать назад привезли несколько обезьян. Они быстро освоились на новом месте. Теперь там очень много обезьян! Там и ловкие зелёные мартышки, и макаки, и павианы... Они живут стадами. Во главе стада — обезьяна-вожак. Она зорко следит за порядком.

Чуть кто-нибудь себя плохо поведёт: обидит маленького, отнимет у слабого еду, начнёт

драться,—того она мигом накажет тумаком или затрешиной. Спуску не даст!

Питаются обезьяны овощами и фруктами. А детёнышам работники питомника дают ещё яиц и молока. Обезьянки-детёныши часто гуляют отдельно от родителей под присмотром взрослой обезьяны. Она у них как будто «няня».

Обезьяны—очень забавные животные. Но в питомнике их разводят, конечно, не ради забавы. Они нужны учёным для научных опытов.

Художник В. ТРОФИМОВ

МУЖИК И ЦАРЬ

Русская народная сказка

Рис. Ю. КОРОВИНА

Жил-был царь. Пуще всего на свете любил тот царь сказки слушать. И всё ему хотелось новых да новых сказок. Придворные сказочники все сказки, какие знали, пересказали, и никто больше угодить не может.

Велел царь кликнуть клич:

— Женю на своей дочери и полцарства отдам тому впридачу, кто расскажет сказку, какой я ещё не слыхал.

Охотников сыскалось много. Откликнулись и князья, и бояре, и генералы, и купцы, да всё бестолку. Только кто заведёт сказывать какую сказку, а царь уже кричит:

— Знаю, знаю, слыхал эту сказку!

На том дело и кончится.

Того жениха и прогонят.

А в том царстве жил, горе мыкал бедный мужик. Ни дома, ни хозяйства у него не было. Жил, где приведётся, пил, ел, что придётся. Иной день впроголодь, иной день и вовсе не евши сидел.

Как-то раз зашёл тот молодец в кабак погреть-

ся, выпить стаканчик винца. Целовальник над ним подсмеивается:

— Что нейдёшь царю сказки сказывать? Небось, царевна все глаза проглядела: ждёт тебя, жениха, не дождётся.

Слушает бедняк насмешки, а сам думает:

«Дай пойду, попытаю счастья. Царским зятем мне не быть, а хоть день-другой готовыми харчами попользуюсь».

Пришёл во дворец. Царь спрашивает:

— Зачем, мужик, пришёл?

— Хочу тебе, царское величество, сказку рассказать. Только вели сперва накормить, напоить меня.

Царь его оглядел и усмехнулся:

— Ну и жених! Рубаха латана-перелатана, лапти верёвкой подвязаны.

Но не отказал ему.

Мужика накормили, напоили. Царь собрал ближних бояр да советников и приказывает молодцу:

— Сказывай твою сказку!

— Мой покойный родитель, — говорит мужик, — был самый богатый человек в нашем царстве. Выстроил он высокие хоромы. По крыше тех хором голуби ходили да с неба звёзды поклёвывали. Вот сколь высоки были те хоромы! А двор у нас был такой, что за весь летний день голубь не мог перелететь из конца в конец.

Царь молчит, и бояре молчат, не перебивают, а мужик говорит:

— Дальше сказывать стану завтра, после обеда.

И пошёл на поварню ужинать.

На другой день вечером стал он сказку продолжать:

— И стоял у нас на дворе бык-семилеток. На одном рогу сидел у того быка пастух, а на другом — другой. Пастухи в трубы трубили, на рожках играли, песни пели, а друг друга в лицо не видали и голоса не слышали. Вот какой был у нас бык матёрый!

Молчит царь, не перебивает, и бояре молчат. Сказочник поднялся и говорит:

— Завтра сказку доскажу.

И пошёл на поварню ужинать.

Тут царь и заговорил:

— Что станем делать, бояре? Этакой сказки я не слыхал, а отдавать свою дочь за мужика-лапотника не желаю. Придумайте, как сказочника обмануть.

Князья да бояре стали думу думать. Думали, думали и придумали:

— Скажи, царь-государь, что ты эту сказку слыхал, и мы все подтвердим: знаем, мол, слышали про это. А чтобы крепче всё было, вели в том грамоту заготовить, и под той грамотой мы свои подписи поставим.

На том и согласились.

Мужик про тот сговор проведал, а виду не показывает. На другой день как ни в чем не бывало пришёл после обеда, сел и стал сказку досказывать:

— Была у моего покойного родителя

кобылица, в три дня вокруг земли обегала...

Князья да бояре с царём переглядываются, себе в бороды усмеваются, а сказочник сказывает:

— Золота да серебра у нас были амбары доверху насыпаны. И ты, царь-государь, в ту пору занял у нас сундук золота и по сей день ещё не отдал...

Тут царь закричал:

— Знаю! Знаю!

И князья да бояре поддакивают:

— Знаем, слышали эту сказку и грамоту в том подписать согласны.

С мест вскочили, подписи под грамотой поставили. Взял мужик грамоту и говорит:

— А коли слышали да грамоту в том подписали, так плати долг, царское величество.

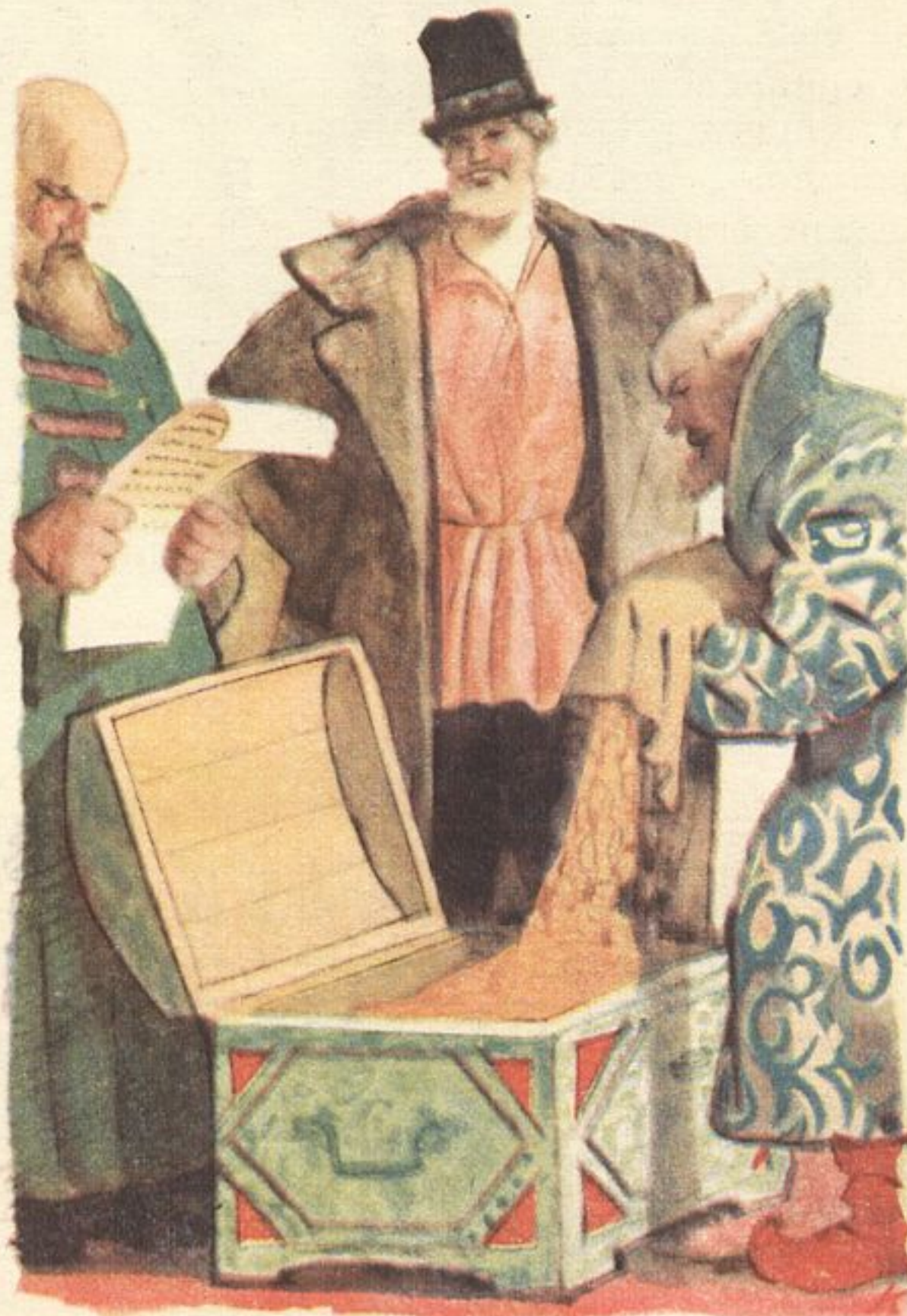
В ту пору царь догадался:

— Обманул меня мужик-лапотник!

Да делать было нечего: что написано пером, того не вырубишь топором.

Пришлось насыпать сундук золота.

Мужик денежки взял и стал жить-поживать да посмеиваться.

Сорока-белобока кашу варила,
Деток кормила:
Этому дала в чашечке,
Этому в ложечке,
Этому в плошечке,
Этому в ковшичке.
А самому малому ничего не осталось,—
Зачем дров не носил, зачем кашу не варил.

КОШКА

Что ты, кошка, тут полдня
Ходишь около меня?

Уходи скорей отсюда,
Вон туда иди, за дверь.
Всё равно с тобой не буду
Разговаривать теперь.

Не дружу с тобою я —
Раз ты съела воробья.

СЕРГЕЙ БАРУЗДИН

ПЕКАРЬ

На столе сегодня тесно,
Не поставишь ничего.
Это я катаю тесто,
Вот и тесно оттого.

На углу пакет с мукою,
Сахар, чашка с молоком.
Соль и дрожжи под рукою...
Всё заставлено кругом.

И на стол посуды разной
Ставить я не разрешу.
Наступает детский праздник, —
Приготовиться спешу.

Напеку в духовке новой
Пирожков и кренделей.
Угощу я маму с Вовой
И оставлю для гостей.

ГРИГОРИЙ ЛЮШНИН

Рисунок на обложке — В. Щеглова. На стр. 3 — портрет И. В. Сталина с плаката В. Правдина

Редколлегия: А. БАРТО, О. БЕДАРЕВ, Л. ВИНОГРАДСКАЯ (редактор), А. ЕРМОЛАЕВ, Л. ИЛЬИНА, В. ЛЕБЕДЕВ, С. МАРШАК, С. МИХАЛКОВ, Л. ПАНТЕЛЕЕВ
Художественный редактор Н. Попов. Рукописи не возвращаются. Техн. редактор З. Тышневич.

Год издания двадцать седьмой

Цена 1 руб.

Изд-во ЦК ВЛКСМ „Молодая гвардия“

Адрес редакции: Москва, Суцёвская ул., 21. Тел. Д 3-20-90, доб. 1-06.
2,8 уч.-изд. л. 33 000 зн. в печ. л.

Бумага 60×92¹/₂ — 1¹/₂ бум. л. — 3 печ. л.

Подписано к печати 5/V 1950 г.
Тираж 124 500 экз.

А03386
Заказ 716

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, Суцёвская, 21.

5330

